

**Министерство спорта, туризма и молодежной политики
Российской Федерации**

**ФГБОУ ВПО «Волгоградская государственная академия
физической культуры»**

Кафедра философии

НАЙДА О.А.

РОСТОВСКИЙ В.Ю.

**ПАТРИОТИЗМ И ВОЕННО-
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
РОССИИ**

ВОЛГОГРАД 2012

Олег Найда

**Патриотизм и военно-
патриотические традиции России**

«БИБКОМ»

2012

УДК 32.01
ББК 66.011

Найда О. А.

Патриотизм и военно-патриотические традиции России /
О. А. Найда — «БИБКОМ», 2012

В монографии раскрываются проблемы генезиса и исторической эволюции российского патриотизма. На обширном историческом материале рассматривается российский патриотизм как определенная страховая модель патриотизма. В центре внимания – проблема патриотизма в условиях империи, хотя содержание российского патриотизма как социального явления все же значительно шире имперской идеологии и соответствующей политической практики. Большое значение в работе придается анализу патриотических воззрений общедемократического и гуманистического характера, выступающих прямыми антиподами имперского патриотизма. Большой интерес вызывает постановка вопроса о российском офицерстве как носителе идеологии российского патриотизма и определение специфики его служения отечеству.

УДК 32.01
ББК 66.011

© Найда О. А., 2012
© БИБКОМ, 2012

Содержание

Введение	5
Глава I. Российский имперский патриотизм в эпоху становления абсолютизма	6
§ 1. Генезис российского патриотизма	6
§ 2. Предыстория: русский патриотизм	8
§ 3. Формирование идеологии российского патриотизма	15
§ 4. Российский патриотизм в контексте петровской модернизации	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Олег Найда, В. Ростовский

Патриотизм и военно-патриотические традиции России

Введение

Актуальность сформулированной проблемы видится в следующих обстоятельствах.

После двух десятилетий полного забвения, патриотизм, по удачному выражению социологов, «выходит из тени». Действительно, судя по количеству обращений к термину «патриотизм», он восстанавливает права гражданства в современной научной литературе. Безусловно, что этому способствовало как усиление социальной компоненты внутренней политики российского государства, в особенности, реализация четырех национальных проектов, так и превращение страны в одного из важных игроков на международной арене.

Кроме того, актуальность темы имперского патриотизма придают развернувшиеся в обществе дискуссии относительно будущего государственного устройства РФ, которое видится либо в империи, либо в национальном государстве. Безотносительно к тому, какая форма государственного устройства утвердится в нашей стране, вопрос об имперском патриотизме приобретает важное познавательное значение, поскольку именно через него преломлялось отношение многомиллионного народа к существующей форме государственности. При этом имперское государственное устройство существовало в России на протяжении трех столетий. На протяжении этого исторического периода сущность и функциональная роль имперского патриотизма неоднократно изменялись. Эти метаморфозы заставляют более внимательно рассматривать феномен имперского патриотизма, поскольку этой модели патриотизма присущи весьма устойчивые признаки, которые, несмотря на неоднократный пересмотр парадигм общественного развития, в значительной степени сохранили свое содержание и специфику.

Одним из основных носителей имперского патриотизма в России выступал офицерский корпус. За 200 лет существования императорской армии он выработал устойчивый комплекс культурных норм, ценностей, ритуалов, символов, направленных на воспитание самоотверженных защитников Отечества и профессионалов высокого уровня. От кадетской скамьи до стен полкового собрания в сознании молодого человека утверждался главный принцип офицерской корпорации – «В службе – честь». Офицер формировался в представлении о благородстве и почётности своей миссии и важной роли в жизни страны.

Период конца XIX – начала XX вв. можно отнести к самому драматичному в истории Российской империи. Он имеет достаточно много схожих черт с тем временем, которое переживала наша страна накануне крушения коммунистической идеологии. Нарастающие социально-экономические и политические изменения в обществе влияли на сословный состав, моральное и духовное состояние офицерства, его отношение к рядовой солдатской массе, высшему военному руководству и даже представителям царской династии. В то же время, совокупность традиций офицерского корпуса Российской империи в данный период окончательно оформляется в единый историко-культурный комплекс, направленный на закрепление патриотических традиций в армии, ставший, пожалуй, основным фактором, спасавшим вооружённые силы от развала. Изучение этого опыта представляется крайне необходимым и полезным для подготовки офицерских кадров современной России.

Глава I. Российский имперский патриотизм в эпоху становления абсолютизма

§ 1. Генезис российского патриотизма

Термин «патриот» впервые вводится в российский политический лексикон обер-канцлером, членом ученой дружины Петра I, П.П. Шафировым в его полемическом трактате «Рассуждение о причинах Свейской войны». Раскрывая в предисловии мотивы своего обращения к теме прошедшей войны со Швецией, он писал: «Того ради побужден некоторой верной патриот (Отечества сын) из российского народа для оправдания своего всемилостивейшего самодержца и прадолюбивого царя и государя в начатии сея войны от таких неправедных клевет и шведских внушений, испросил у высокопомянутого его величества всемилостивейшее соизволение сие рассуждение на свет выдать, и тем оному показать»¹.

Обращение видного сановника к теме патриотизма в этот исторический период обуславливалось важными факторами геополитического, психологического и доктринального толка.

Только что победоносно закончилась Северная война, длившаяся свыше двадцати лет, и россияне переживали высокий национальный и патриотический подъем. По условиям Ништадского мира Швеция уступала России Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, часть Карелии с Выборгом. Военно-стратегические итоги войны не сводились исключительно к новым территориальным приобретениям, поскольку они кардинально изменили как международный статус России, так и всю геополитическую ситуацию в Восточной Европе. Прорвав континентальную блокаду своих северо-западных рубежей и рассчитавшись за тяжелые военные неудачи в прошлом, россияне вышли к Балтийскому морю от Риги до Выборга. Параллельно, осуществив радикальную реформу экономики и управления, Россия превратилась в мощную Европейскую державу. Новая Россия начала проводить активную международную политику, опираясь на конкурентоспособную промышленность, современную армию и флот. После Ништадского мира ни одно европейское государство в своей внешней политике не могло не учитывать возросшего веса и влияния России.

Обновленная Россия выступила объектом патриотической гордости россиян. Осознанием нового положения России проникнут законодательный акт от 22 октября 1721 г. о принятии Петром I титула «Отца отечества, императора Всероссийского, Петра Великого»².

После принятия этого законодательного акта Россия официально оформляется как империя и начинает именоваться «Всероссийской империей».

¹ Шафиров П.П. Рассуждение о причинах Свейской войны // Россию подняли на дыбы. История отечества. М., 1987. Т.1. С.476. Впервые книга Шафирова опубликована в 1717 году. Но известность приобретает после второго издания в 1722 году, исторически совпавшего с окончанием Северной войны. Книга создана по прямому указанию Петра Великого и переведена на европейские языки (примеч. автора – О.Н.).

² В прошении сенаторов Петру I о принятии им нового титула, указывалось: «Всемилолюбивейший государь! Понеже труды вашего величества в произведении нашего отечества и подданного вашего всероссийского народа всему свету известны того ради, хотя мы ведаем, что В.В. . . яко самодержцу, вся принадлежит, однако ж в показание и знак нашего истинного признания, что весь подданный наш народ ничем иным, кроме единых ваших неусыпных попечесний и трудов об оном, и со ущербом дражайшего здоровья положенных, на такую степень благополучия и славы в свете произведен есть, помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение воспринять, в день торжества и объявления заключенного оными В.В. трудами всей России толь славного и благополучного мира, по прочтении трактата оного в церкви, по нашем всеподданнейшем благодарении за исходатайствование оного мира, принесть свое прошение к вам публично, дабы изволили принять от нас яко от верных своих подданных, во благодарение титул (Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого), как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуях для памяти в вечные роды подписаны. Святейший Минод в том с нами согласен. И тако токмо ожидаем от В.В. милостиво нам невозбранение» // Законодательство периода становления абсолютизма. Т.4. М., 1986. С.179.

Провозглашение империи не стало сугубо внутривосточным российским событием. Уже на следующий год (1722 г.), последовало международное признание России со стороны Швеции, Пруссии, Голландии.

Разумеется, что речь идет не о каких-то жестких исторических схемах и датах. Общие явления не имеют четко очерченных границ. Становление многих империй занимало достаточно длительные исторические периоды, а применительно к России начало этому процессу было положено, по крайней мере, на два столетия раньше. Но обращение к хронологии событий достаточно убедительно свидетельствует о взаимосвязи и даже единстве двух взаимосвязанных процессов – законодательного оформления империи и генезиса идеологии российского патриотизма. Поэтому типологически российский патриотизм не мог быть ничем иным, как патриотизмом имперским, что предопределило многие его существенные признаки.

Однако российский патриотизм, как определенная модель патриотизма, возникает в стране имеющей исключительно богатые патриотические традиции. На протяжении многих столетий, и особенно в противостоянии со степью, патриотизм часто выступал последним социальным ресурсом русской государственности, поэтому российский патриотизм имеет свою предысторию и исторических предшественников, также оказавших важное влияние на его развитие.

§ 2. Предыстория: русский патриотизм

Рассматривая проблему предыстории важно обратить внимание на большой исторический разрыв между появлением терминов «отечество» и «патриот». На первый взгляд здесь проявляется явное логическое противоречие, поскольку эти понятия квалифицируются как относительные, т.е. существующие попарно. Безусловно, ясно, что отечество как эмоционально-чувственный и рациональный образ страны формируется и существует в сознании не просто человека, а патриота. И, тем не менее, эти понятия появляются в различные исторические эпохи.

Поскольку обстоятельства возникновения термина «патриот» уже рассматривались, то обратимся к истории появления термина «отечество». Здесь, очевидны, известные этимологические трудности. В истории Киевской Руси зафиксирован термин «отчина», который может трактоваться как близкий или тождественный понятию «отечество». Такой подход был характерен для некоторых славянофилов³. Однако к понятию «отечество», причем не только в современной его трактовке, понятие «отчина» не имеет никакого отношения. Первоначально это понималось как место и положение князя среди ближайших родственников по степени старшинства.

В соответствии с генеалогией наследник получал стол – княжество, которое также называлось «отчиной». В дальнейшем смысл «отчины» изменился. Из генеалогического принципа он стал территориальным, в соответствии с которым сын напрямую наследовал стол отца. Понятно, что замена одного принципа другим привела к распрям и междоусобицам по поводу наследования наиболее богатых областей. Киевская Русь прекратила свое существование, когда к этим принципам наследования добавился принцип личных заслуг и, наконец, просто силы. Вот почему «отчина», во всех смыслах и значениях, – синоним центробежных тенденций, антипод единого отечества.

В памятниках литературы Древней Руси первое содержательное упоминание об отечестве находим в таком историческом первоисточнике, как «Повесть о стоянии на Угре» (1480-1481 гг.) в составе «Типографской летописи». В повести содержится патриотический призыв к «храбрым и мужественным сынам русским» не пощадить «своих глав», спасая «свое отечество», «Русскую землю» от «неверных», «от пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и поругания над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от рук. Назову их: болгары и сербы, и греки, и Трапезундт, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и обездольные»⁴.

Значение этого патриотического призыва ко всем сословиям русского общества трудно преувеличить, поскольку в отличие от других памятников литературы повесть в хронологических рамках совпадает с мощными интеграционными процессами, получившими наименование «собрание земель», и главным событием этой исторической эпохи – стоянием на Угре, которое положило конец ордынскому игу. Что же касается собственно трактовки понятия «отечество», то, хотя оно и далеко от строгих дефиниций, но в содержательном плане охватывает практически все признаки, присущие этому сложному общественному явлению, и, без всякого преувеличения, является завоеванием русской политической мысли.

³ См.: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901. С.267.

⁴ Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С.519-521.

Появление термина «патриот» на два с половиной века позже термина «отечество» к историческим случайностям или недоразумениям отнести никак нельзя, поскольку исторический разрыв между ними обуславливался достаточно важными социальными факторами, рациональное объяснение которых предполагает введение в исследование понятия «министериялитет».

В настоящее время в российской исторической науке к нему прибегают для обозначения состояния прав и свобод высшего служилого сословия русского общества XV-XVI вв. Но вообще понятие «министериялитет» отнюдь не отечественного происхождения и своим распространением обязано в первую очередь Западной Европе. Именно здесь появляются «министериялы» – выходцы из народных низов, поступавшие на придворную, административную и военную службу к королю и получавшие за нее земельные владения (министерияльные лены).

Первоначально министериялы были лично несвободными людьми, но уже к XII-XIII вв. сумели повысить свой социальный статус и обрести свободу.

Что же касается понятия «министериялитет» применительно к московскому государству, то, несмотря на некоторые признаки сходства между западными министериялами и русскими боярами, это понятие демонстрирует тенденцию совершенно противоположную. Если в Европе развитие общества в целом шло от несвободы к обретению разнообразных прав и свобод, то Россия двигалась от относительной свободы в раннем средневековье к ее утрате в новое время. Это проявлялась, в частности, в том, что подданные московского государства, независимо от их статуса, т.е. положения при государе, родовитости и заслуг, считались одинаково находящимися в холопской зависимости от верховного правителя.

В начале XVI в. русские бояре впервые назвали себя в челобитной князю Василию III «холопами государевыми»⁵. В исторической литературе уже высказывалась точка зрения, согласно которой русский «министериялитет» своим происхождением обязан, главным образом, татаро-монгольскому игу⁶.

Не подвергая сомнению правомерность такой трактовки, нельзя не отметить и внутреннюю противоречивость процессов централизации в московском государстве. Эти процессы, с одной стороны, позволили ликвидировать раздробленность русского этноса, объединить земли, существенно увеличить материальные ресурсы и, тем самым, укрепить обороноспособность страны. Но, с другой, входящие в состав Руси Московской территории, вместе с проживающим там населением, московский государь начинал рассматривать уже как свою вотчину. Сам же государь все больше превращался в самодержца, объединяя в одном лице власть исполнительную, законодательную и судебную. Участие же во власти высшего сословия феодального общества – боярства, ограничивалось законосовещательной деятельностью в рамках Боярской думы.

Будучи прямыми защитниками отечества – военным сословием, и соучаствуя в государственном управлении, т.е. формально являясь по всем признакам патриотами, бояре, тем не менее, квалифицировали свое положение как «холопское». Подобная низкая самооценка отражала реальное положение вещей. В законодательном плане «холоп» на Руси являлся рабом или полурабом, которым его господин мог неограниченно распоряжаться. Примерно в таком же отношении находились бояре к московскому государю. «До сих пор русские властители ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем...», – подчеркивал Иван Грозный в первом послании Андрею Курб-

⁵ Хорошкевич А.Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России XV – середина XIX вв. Ч.2. М., 1994. С.165.

⁶ См.: Филошкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. №8. С.146.

скому⁷. Опричнина наглядно продемонстрировала боярству эфемерность их прав и привилегий.

В свое время русский философ И.А. Ильин отмечал, что любовь к Родине является таким же свободным актом, как и любой нравственный поступок. «Как всякая любовь, – писал он, – патриотизм свободен»⁸. Именно по этой причине представители самых высших классов Руси Московской не могли ни терминологически, ни политически идентифицировать свое служение Отечеству с явлением «патриотизма». Ничем не ограниченный деспотизм и произвол власти подрывал саму основу формирования русского патриотизма. Подтверждением этому является невольная констатация Иваном Грозным очевидного: упадок воинской доблести у русского войска.

В пылу полемики с А. Курбским он, не замечая причинно-следственной связи между собственной практикой бессудных расправ и ослабевшей мотивацией русского служилого сословия, пишет своему оппоненту: «А насчет бранной храбрости снова могу тебе обличить в неразумии... Ведь предки ваши, отцы и дяди были так мудры, и храбры, и заботливы о деле, что ваша храбрость и смекалка разве что во сне может с их достоинствами сравниться, и шли в бой эти храбрые и мудрые люди не по принуждению, а по собственной воле, охваченные бранным пылом, не так как вы, силою влекомые на бой и скорбящие об этом...»⁹.

Принятие института на царство также негативно сказалось на гражданском компоненте русского патриотизма. Ориентация на византийскую традицию привела к полному отождествлению политической и духовной власти в лице царя. На Западе, как и в Московском государстве, король являлся «помазанником божьим», но прямым и непосредственным заместителем Бога на земле считался Римский папа. При нарушении королем прав своих подданных последние приобретали как политическое, так и моральное право восстать против тирана. Для русского же человека любое отставивание своих прав перед лицом власти могло расцениваться как выступление против Бога. В основу политической морали русского человека была положена следующая формула «Домостроя»: «Царя боиси и служи ему верою и всегда о нем Бога моли, и ложно отнюдь не глаголи перед ним, но с покорением истину отвещай ему, яко самому богу, во всем повинуйся ему»¹⁰.

Однако было бы неверно поспешно выводить из этой идеологии какие-то национальные традиции покорности и долготерпения.

Во-первых, установки «Домостроя» лишь воспроизводят известное положение из послания апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению»¹¹. Очевидно, что адресатом этого послания является не только Московское государство, но и вся христианская цивилизация.

Во-вторых, в условиях деспотизма и своеволия власти социальный протест все же существовал. Но поначалу он не был связан с гражданственным патриотизмом, поскольку у высших классов он чаще всего приобретал форму «отъезда», интриг и заговоров, а у народных низов – массового оттока на окраины государства.

На всем протяжении своей истории Московское государство постоянно находилось в состоянии больших, малых, затяжных (несколько десятилетий) и относительно кратковременных войн и конфликтов. Это также являлось немаловажным фактором, затрудняющим развитие гражданственности в русском патриотизме. В его политическом содержании преобладали

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С.144.

⁸ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993. С.242-246.

⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С.146.

¹⁰ Домострой // Вестник Московского университета. Сер 12, Политические науки. 1998. №1. С.74.

¹¹ Новый Завет. Киев (К римл.,XIII,1-2), 1991. С.200.

мотивы служения великому князю и в дальнейшем царю, которому и присягали; верности христианству в форме православия; заботы о судьбе своих родных и близких. Что же касается такого важного элемента «отечества» как «родная земля», то она чаще всего отождествлялась с непосредственным местом проживания. Наглядно представить себе территорию Московского государства было просто невозможно из-за постоянно раздвигающихся границ и отсутствия отечественной картографии.

Достаточно дискуссионным является вопрос о национальной идеологии этого исторического периода. Представители социально-философской и исторической науки как прошлого, так и настоящего времени выделяют две концепции, претендовавшие на эту роль: «Москва – третий Рим» и «иосифлянство».

«Доктрина о Москве как третьем Риме, – считал русский философ Н.А. Бердяев, – стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи»¹². Суть этой концепции неоднократно становилась предметом анализа в философской и исторической литературе, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на её изложении. Определенное влияние на узкий круг церковных иерархов и непосредственное окружение московского государя она, безусловно, имела. Это проявилось в том, что Московское государство наследовало не только символику, но и важнейшие инструменты светской и духовной власти Византийской империи. Но функционально концепция «Москва – третий Рим» тяготела к решению чисто религиозных проблем, связанных с сохранением «истинного» православия.

Гораздо ближе к решению насущных проблем Московского государства находилась, несомненно, концепция «иосифлянства». Её автор (Иосиф, 1439 – 1518 гг.) был инициатором перехода Волоцкого монастыря под юрисдикцию московского князя. Эта акция стимулировала процесс сближения светской и церковной власти. В дальнейшем в системе идей под общим названием «иосифлянство» на первый план выдвинулось обоснование, оправдание и легитимация процессов политической централизации русского государства, развитие абсолютизма и самодержавия. В целом эта идеология носила исторически прогрессивный характер, ибо способствовала формированию и институализации русской нации и национального государства.

К идеологии «иосифлянства» примыкает раннедворянская мысль XVI в, представленная творчеством Ф.И. Карпова и И.С. Пересветова. Эти авторы, исповедуя аналогичную систему политических ценностей, тем не менее, стремились выработать некие противовесы абсолютистской власти. Для Ф.И. Карпова – это закон, для И.С. Пересветова – ограничение самодержавия. Для последнего автора, вообще, была очевидна взаимосвязь между порабощением людей и отсутствием необходимых качеств защиты «земли». В таком царстве, считал он, «люди не храбры и к бою против недруга несмелы: порабощенный бо человек сраму не боится, и чти себе не добывает»¹³. Правда, эти положения высказывались в осторожной и отвлеченной форме и не могли рассчитывать на сколько-нибудь широкое понимание и признание.

Русский патриотизм не раз становился объектом научного анализа в исторической литературе. Такие процессы, как расширение территории Московского государства, успехи и окончательная победа над степью, эпопея с ополчением Минина и Пожарского, однозначно, оцениваются современными авторами как проявление лучших сторон русского патриотизма. Более того, отдельные эпизоды этой исторической эпохи, вырванные из более широкого исторического контекста, служат для ряда авторов основой для выведения самой сущности русского патриотизма.

«Русский патриотизм, – пишет Ф.Ф. Нестеров, – отличался от всякого иного своей беспредельной и безусловной, то есть не требующей ничего взамен, верностью государству. Если

¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл Русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С.9.

¹³ Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М.: Наука. С.38.

в Киевской Руси, как и в Западной Европе, в трудный час призывали ратников встать грудью на защиту своего домашнего очага, жен и детей своих, то Минин, напротив, предлагает «дворы продавать», жен и детей закладывать, «чтоб только помочь Московскому государству»¹⁴. На исконной «державности» русского патриотизма настаивают Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная, аргументируя свои выводы эпизодами из «Смутного времени»¹⁵.

Подобные оценки и выводы требуют известных уточнений, ибо гражданская война в Московском государстве, получившая название «Смутного времени», свидетельствует как раз об обратном – слабости государственного начала в русском патриотизме. Кризис легитимности власти, связанный с уходом из жизни последнего представителя из династии Рюриковичей, вызвал самые разрушительные для русской государственности последствия. Этим не замедлили воспользоваться принципиальные противники всякого общественного порядка и независимости Руси Московской – казачество, часть служилого сословия, искавшая у самозванцев новых чинов и привилегий, поляки и шведы, рассматривавшие страну как свою законную добычу. Драматические события «Смутного времени» прямо указывают на утрату массовым патриотическим сознанием не только национальных и государственных, но и религиозных ориентиров.

Субъективные причины Смуты не раз становились предметом самого пристального анализа в исторической литературе. Причем позиции таких авторов как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов по вопросу об идейно-теоретических и социально-психологических причинах Смуты практически совпадают. Их усматривают как в вотчинной философии самого московского государя, так и в неразвитости политического сознания подданных русского государства. В.О. Ключевский следующим образом раскрывает специфику русского политического мировоззрения этого исторического периода: «Тогда у нас и не понимали государства иначе, как в смысле вотчины, хозяйства государя известной династии и, если бы тогдашнему заурядному московскому человеку сказали, что власть государя есть вместе и его обязанность, что, правя народом, государь служил государству, общему благу, это показалось бы путаницей понятий, анархией мышления. Отсюда понятно, как московские люди того времени могли представить себе отношение государя и народа к государству. Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятиями не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя.

...Московские люди как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме; когда им становилось тяжело, они считали возможным бежать от неудобного домовладельца, но не могли освоиться с мыслью о возможности восставать против него или заводить другие порядки в его доме»¹⁶.

Непроясненность в массовом политическом сознании важнейших понятий о государе и государстве, которая, на первый взгляд, должна была способствовать укреплению легитимности власти (легитимность в форме традиции – О.Н.), привела к результату прямо противоположному. Катастрофические неудачи Бориса Годунова и его советников на экономическом поприще, обострившиеся социальные противоречия между правящей элитой и различными группами служилого сословия, закрепощенным населением и его хозяином – дворянством, радикальным образом изменили само представление о существующей верховной власти: реальный царь стал восприниматься как незаконный, а самозванец – как истинный.

¹⁴ Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1987. С.128.

¹⁵ См.: Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал (социально-гуманитарное знание). 1997. №6. С.21.

¹⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.4. М.: Мысль, 1988. С.48-49.

Вот почему Лжедмитрий, католик по вероисповедованию, с такой легкостью занял престол в православном государстве.

Уроки Смуты отнюдь не сводились к тому, что обнаружили «исконно державные начала русского патриотизма». Они находились совсем в иной плоскости, а именно в проблематике прав и свобод основного населения и его способности встать на защиту своей страны. Введение крепостного права, о чем косвенно свидетельствует Указ об «урочных летах» (1597), с одной стороны, лишило власть на всех уровнях сколько-нибудь ощутимой поддержки и опоры, с другой, стало главной причиной готовности значительной, если не преобладающей части населения поддержать любую социальную силу, способную вернуть утраченные права и свободы. «Самое большое зло сложившегося в Москве порядка, – справедливо отмечал М.О. Коялович, – заключалось в том, что служение государству, отечеству сосредоточено было только в так называемых служилых людях и во имя этого они стали распорядителями земли и свободы русского человека...»¹⁷.

Разумеется, Смута продемонстрировала высочайшие образцы подлинного патриотизма, мужества, героизма и самопожертвования. Но следует напомнить некоторым современным авторам, воспевающим «беспредельную» верность русского человека деспотическому и тираническому государству¹⁸, что деятельный патриотизм, обращенный на наведение общественного и государственного порядка, прекращение грабежей и разбоев, изгнание иноземных захватчиков, был проявлен, в первую очередь, населением севера и северо-востока Руси Московской, которое было либо незначительно затронуто крепостным правом, либо не было затронуто вообще.

Вернемся вновь к Кояловичу, специально отмечавшему: «Служение отечеству, которое в смутные времена так гармонически, стройно проводило в движение все силы северного населения, без разделения на сословия и без вражды между ними, было всем ощутительно, тогда как середина России, служилая и крепостная, или изменничала, или бессильно страдала»¹⁹. Ущербность патриотизма, основанного на несвободе, отмечает Ключевский: «Дворянское ополчение... еще раз показало в смуту свою мало- пригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью»²⁰. Энергию, инициативу, настойчивость – основные слагаемые успешных действий по освобождению страны, Ключевский усматривает в действиях казачества, перешедшего на сторону государственности и правопорядка²¹.

Важным элементом новизны, внесенным Смутой, было углубление социальных аспектов освободительной борьбы русского народа практически на всех уровнях общественной организации. Большинство структурированных групп начинают, хотя и не всегда последовательно, выдвигать свои требования и отстаивать специфические интересы.

Прежде всего, это касается несколько легальных и гласных попыток боярства получить от очередного кандидата на престол более или менее оформленные гарантии от произвола царской власти. Это прямо свидетельствует о возросшем гражданском сознании боярства и

¹⁷ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901. С.310.

¹⁸ Нам представляется более историческим достоверным положение из речи К.Минина перед нижегородцами в изложении А.А. Данилова. Здесь говорится не о Московском государстве, а об отечестве, что полностью соответствует логике аргументации В.О. Ключевского. «Мое мнение, – говорит К. Минин, – все, что есть, без остатка, готов я отдать в пользу и сверх того, заложа дом мой, жену и детей, готов все отдать в пользу и услугу отечества. И готов лучше со всею моею семьею в крайней бедности умереть, нежели видеть отечество в поругании и от врагов во обладании». Данилов А.А. Рабочая тетрадь по истории России для студентов вузов. М., 1998. С.32.

¹⁹ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901. С.310.

²⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.3. Ч.3. М., 1988. С.57. Выводы историков подтверждают и очевидцы смутного времени. Так, дьяк Иван Тимофеев (Семенов) в своем произведении «Временник» определяет дворян как «лжевоинов». См.: История политических и правовых учений. М.: Инфра-М, 1996. С.229.

²¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.3. Ч.3. М., 1988. С.57.

его нежелании мириться со своим унижительным и поработанным положением перед самодержавной властью. Впервые это произошло при избрании Бориса Годунова, который в молчаливой форме – «перемолчал», отверг эти требования. Но уже Василий Шуйский вынужден был дать, причем письменно («подкрестная запись»), такие обещания, как отказ от преследования родственников осужденных и неприкосновенность их имущества, вынесение смертного приговора лишь при согласии Боярской думы; гарантии прав населению, занятому в торговле; не принимать во внимание и не давать ходу непроверенным доносам и пр. В данном случае является несущественным, что В. Шуйский нарушил свои обещания. Гораздо более ценным в историческом плане являются первые формы гражданского протеста против самовластиа, которые потребовали от их инициаторов немалого мужества.

В договоре от 4 февраля 1610 г. об условиях приглашения сына польского короля Владислава на престол московских царей нашли отражение интересы служилого сословия, дьяков и неродовитых людей о повышении «меньших людей» сообразно их «заслугам» и выслуге и право свободного выезда за границу для получения образования. Но эти справедливые требования будут реализованы только в эпоху петровских преобразований.

Что же касается народных масс, то они начинают переходить к более активным формам протеста, нежели бегство на окраины и за границы Московского государства, и XVII в. входит в российскую историю как век «бунташный».

Итогом осмысления социального хаоса «Смутного времени» стал вывод о необходимости согласия между властными и подвластными, гармонии общественных и государственных отношений, выраженных в идее «народного блага». Это достаточно радикальная идея стала пониматься как некое условие и предпосылка истинного служения отечеству, т.е. «благо народное» и «благо отечества» начинают трактоваться как близкие и даже тождественные понятия. «Только те люди заслуженно пользуются плодами, выгодами и правами своей родины, – подчеркивал Ю. Крижанич, – коих действия и труды стремятся прямо к общему народному благу. А чья жизнь и чьи труды не приносят никакой пользы ни для защиты, ни к охране народа, те люди не стоят ни воды, ни воздуха своей родины и должны быть изгнаны из неё вон»²².

²² Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С.322.

§ 3. Формирование идеологии российского патриотизма

В своих ранних формах идеология российского патриотизма преимущественно определялась комплексом философских и социально-политических идей, разделявшихся Петром Великим и членами его ученой дружины во главе с Феофаном Прокоповичем. Источником этих идей были как традиции русской государственности, так и достаточно осязаемое влияние учений Европейского Просвещения.

Не меньшее значение имела и исключительно активная жизненная позиция Петра I, проявившаяся уже в отроческие годы, когда о глубоких идейных влияниях утверждать достаточно проблематично. Специфика этой позиции, резко выделявшая уже в первые годы своего царствования Петра I среди других русских монархов, заключалась в том, что, провозгласив целью государства всеобщее благо, он объявляет себя не более, чем первым государственным служащим. Причем, служение государству российскому он понимает одновременно и как служению отечеству. Справедливо отмечал по этому поводу П. Милуков: «Сознание долга перед родиной облекается у Петра в форму, наиболее понятную для него и для его окружающих, – в форму, заимствованную из военной службы, военной дисциплины. Он служит отечеству – не только как царь, как «первый слуга», как Фридрих Великий; нет – он прежде всего служит, как барабанщик, бомбардир, шаутбенахт, вице-адмирал. В Полтавской битве он командует своей отдельной частью... В 1713 году вице-адмирал Крюс предостерегает Петра от рискованной морской авантюры; Петр отвечает: брать жалованье и не служить – стыдно»²³.

Если прежде монархи, осознавая себя «помазанниками божьими», лишь повелевали своим подданным и милостиво снисходили к их нуждам, то Петр I, ломая прежние традиции, сознательно погружает себя в мир кропотливого и повседневного труда на поприще служения отечеству. Мироззрение Петра I как патриота и государственного деятеля раскрывает его знаменитый приказ, отданный накануне Полтавской битвы: «Воины! Се пришел час, который должен решить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего»²⁴.

Предваряя текстологический анализ, нужно отметить, что в этих глубоко эмоциональных положениях, обращенных к патриотическому сознанию и чувствам российских воинов, тем не менее, обнаруживаются признаки как прямого, так и опосредованного влияния политических и правовых учений Европейского Просвещения. Сразу же обнаруживается, что подход к концептуальной базе европейской мысли строго дифференцирован, поскольку отбираются лишь те положения и установки, которые, по мнению Петра и его советников, наилучшим образом отвечают запросам и традициям России. Принципиально отвергается теория и практика раннебуржуазного либерализма: «английская вольность здесь не у места»²⁵, и все свои интеллектуальные симпатии и предпочтения российская политическая элита отдает идеям немецкого Просвещения. Выбор не случаен. Российскому самодержцу не могли не импонировать апологетика абсолютной монархии С. Пуфендорфом и Х. Вольфом, их позициям умолчания в отношении института крепостничества, жесткая регламентация личной жизни, отрицание права подданных на активные формы протеста. Все это никак не отнесешь к вершине немецкой теоретической мысли этого исторического периода.

²³ Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Ч.3.СПб., 1901. С.158.

²⁴ Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1991. С.108-109.

²⁵ Там же. С.196.

Вместе с тем, Петр I творчески усвоил и сильные стороны учения Самуила Пуфендорфа, в котором нашли дальнейшую систематизацию и разработку доктрины естественного права Т. Гоббса, Ж. Бодена, Г. Гроция. Это позволило ему обрести совершенно иной уровень политико-юридических представлений о происхождении и сущности государства, его функциях, роли и назначения монарха по сравнению с прежними русскими самодержцами.

Обратимся к текстологическому анализу упомянутого исторического приказа. Сразу же обнаруживается, что Петр I отделяет фигуру самодержца от государства, что далеко выходит за рамки прежних – вотчинных представлений о тождестве этих понятий. Для него фигура монарха менее значима, нежели государство: «Сражаетесь не за Петра, но за государство, Петру врученное». Причем, в отличие от прежних представлений русских царей о прямом божественном происхождении своей власти, Петр I не ссылается на этот излюбленный тезис. И вот почему. Пуфендорф – его любимый автор, к сочинениям которого он постоянно обращался, считал, хотя бог и иницирует, и освещает царскую власть, но все же первоначальным источником и предпосылкой возникновения власти и государства является свободное согласие людей, объединившихся в единое целое и делегирующих значительную часть своих прав и свобод одному лицу или группе лиц, образующих верховную власть²⁶.

В приказе Петр I, исходя из громадной значимости для дальнейших судеб России предстоящего сражения, отходит от своего идеала могущественной империи как самоцели общественного развития и выдвигает новый аргумент – «блаженство и слава России» представляют ценность не сами по себе, а «для благосостояния вашего». В развернутом виде этот тезис прозвучал в его речи, посвященной заключению Ништадского мира. «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, – подчеркнул Петр I, – который нам Бог кладет перед очами, как внутри, так и во вне, отчего облегчен будет народ»²⁷. Это положение, находившееся в явном противоречии с предшествующей практикой русского царизма, свидетельствует о влиянии европейских учений о «народном благе» на мировоззрение российского императора.

В приказе обращает на себя внимание смысловой ряд политических, социальных и духовных ценностей, имеющих прямое отношение к понятию «отечество». Здесь и государство, и персонифицированная верховная власть в лице Петра I, узы кровного родства – «род свой», православная вера и институт церкви, выстроенные в правильном соотношении. Тем самым понятие «отечество» раскрывается в этом приказе достаточно полно и точно.

В политическом лексиконе Петра Великого понятие «отечество» занимает центральное место. К нему он обращается не только в официальных документах и торжественных выступлениях, но и в личной переписке. «Ты должен любить все, – пишет он сыну Алексею, – что служит ко благу и чести отечества»²⁸. Когда выясняются масштабы заговора и вообще противостояния попыткам Петра I и его соратников модернизировать Россию, он записывает: «Страдаю, а все за отечество! Желая ему полезное, но враги демонские пакости делают. Труден разбор невинности моей тому, кому дело сие неведомо. Единый Бог зрит правду»²⁹.

Являясь истинным патриотом России и хорошо знавший значение термина «патриот», Петр I никогда к нему не обращался. Объясняется это тем, что венценосные особы официально удостаивались титулов «отца» и «матери» отечества, в то время как этимологически «патриот» – сын отечества.

Это также исходило из понимания Петром I роли и назначения монарха, специфики его отношений со своими подданными. Состоя в личной переписке с другим выдающимся представителем немецкого Просвещения Христианом Вольфом, Петр I усвоил его воззрения на

²⁶ См.: История политических и правовых учений. М.: Инфра-М, 1996.

²⁷ Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1991. С.119.

²⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.VIII. М.: Мысль, 1988. С.378-379.

²⁹ Петр Великий в его изречениях. СПб., 1910. С.13.

монарха как на мудрого и просвещенного властителя, под тщательной опекой которого подданные могут проявить свои индивидуальные дарования и жить вполне достойно и счастливо³⁰. В соответствии с этой установкой Петр I искренне полагал, что россияне не более, чем «дети», которых он призван, не стесняясь в средствах, превратить во взрослых³¹. Отсюда стала прорастать идея о формировании «нового человека», россиянина по происхождению и европейца по образованию и образу жизни. Правда в качестве программной цели эта задача будет сформулирована несколько позже – в эпоху просвещенного абсолютизма при Екатерине II.

Несмотря на отсутствие систематического образования, Петр I отлично понимал важность научного знания и просвещения. Он проявлял большой интерес к учению Августа Германа Франке, его воспитанникам и последователям, их стремлению к научным знаниям и уважительному отношению к техническому творчеству. Образцом для будущей Петербургской академии наук он считал университет в Галле, основанный в 1694 г., и институты Франке, созданные двумя годами позже.³²

При этом в области духовной жизни деятельность Петра и его единомышленников далеко выходила за рамки утилитарного знания и просвещения, поскольку за короткий исторический срок был осуществлен настоящий культурный переворот, затронувший практически все значимые стороны духовной жизни Российской империи. Основные служилые сословия – дворянство и чиновничество, получившие новое определение «шляхетства», были ориентированы на западные культурные ценности. Но, хотя Петр наметил и раскрыл для России пути Западного Просвещения и цивилизации, все же «западником» считать его нельзя. Обращаясь к европейскому опыту цивилизационного развития и разрабатывая на его основе методологию преобразования России, Петр не только оставил в неприкосновенности, но и невиданно усилил два основных института, препятствующих европейской интеграции России – крепостничество и самодержавие. Из всех разноплановых российских традиций он остановился на традициях экономической, политической, общественной и личной несвободы. Поэтому, вряд ли можно безоговорочно принять вывод Н.Г. Чернышевского о том, что «идеал патриота – Петр Великий»³³. В рамках исследуемого типа патриотизма Петр остается выдающимся имперским патриотом. Но в его патриотизме преломлялась лишь одна тенденция развития, связанная с созданием обширной империи, основанной на тех институтах экономики и власти, которые в Европе стремительно уходили в прошлое.

Значительный вклад в разработку идеологии российского патриотизма принадлежит Феофану Прокоповичу. С полным основанием его можно считать не только теоретиком, но и практиком в пропаганде идей патриотизма, хотя сам термин «патриот» Прокопович не употреблял. Он первым из российских официальных идеологов определил патриотизм как основную гражданскую добродетель личности. В своем панегирикосе «Слово похвальное о баталии полтавской» Прокопович специально подчеркивал: «Человек о славе отечества своего нерадящий всегда у мужей мудрых в недорогой цене ходит, яко малодушный и грубый»³⁴. Это принципиальное положение в отечественной российской политической мысли свидетельствует об осознании патриотизма, как важного социального ресурса российской государственности. Причем это понимание приходит незадолго до углубления и упорядочения реформ внутри страны. Патриотизм уже не сводится исключительно к защите отечества. Служение отечеству трактуется значительно шире, предполагая участие человека в различных сферах деятельности. Понимая, что «радеть за отечество» можно поразному, в том числе консервативно, что

³⁰ См.: История политических и правовых учений. М., 1996. С.320-321.

³¹ См.: Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Ч.3. СПб., 1901. С.152.

³² См.: Русские цари. 1547-1917. Ростов-на-Дону. М., 1997. С.232-233.

³³ См.: Чернышевский Н.Г. ПСС. Т.3. М., 1947. С.136.

³⁴ Панегирическая литература петровского времени. М.: Наука, 1979. С.208.

может вновь отбросить Россию во времена ветхозаветные, Прокопович отстаивает и пропагандирует патриотизм, связанный с преобразовательной и прогрессивной деятельностью. В условиях мощного противостояния, в том числе и идейного, проводимым реформам по европеизации России, он следующим образом формулирует и ставит идеологические задачи перед «мирскими начальниками» и духовными пастырями: «Долг на всех таковых лежит беседами, разговорами, проповедьми, пением и всяким сказания образом толковать и изъяснять в слух народа, что мы прежде войны сея были и что уже ныне, какова была Россия и какова есть уже, коликую сотвори с нами измену десница вышняго»³⁵. Помимо того, что в данных положениях высказана общесоциологическая установка о необходимости пропаганды нового патриотизма в условиях реформ, здесь содержится и важное указание на то, что эта пропаганда все же предполагает некие объективные основания: «какова была Россия и какова уже есть».

Однако Прокопович, во многом по-новому толкуя сознательное служение отечеству, все же ограничивает содержание патриотизма и его функции. Сфера политики как деятельности по влиянию на верховную власть полностью исключается им из содержания патриотизма, не говоря уже о политике как области отношений по завоеванию или участию во власти. Последнее квалифицируется Прокоповичем как тягчайшее преступление не только перед царем, но и Богом. И поскольку он в определенных контекстах отождествлял верховную власть с отечеством, постольку следует более подробно остановиться на его аргументации.

Здесь принципиальное значение приобретает его программное произведение «Слово о власти и чести царской яко от самого бога в мире учинена есть, и како поштити царей и оным повиноватися людие длженствуют: кто же суть и коликий имеют грех противляющиеся им» (1718 г.).

В этом политическом трактате Прокопович выступает одновременно и в трех ипостасях: историка, политического мыслителя и богослова. Прежде всего, он обращает внимание на существование достаточно длительной и устойчивой тенденции неподчинения и вообще открытого противостояния власти духовной и светской.

Персонифицируют, по его мнению, эту борьбу, известную уже со времен апостольских, «монархомахи» и «цареборцы». Прокопович сразу же исключает религиозный подтекст этой традиции. «На чем назидали мнение свое древние льстецы?» – задается он вопросом и отвечает: «На свободе христианской. Слышащее бо, яко свободу приобретете нам Христос, о ней же и сам господь глаголет и на многих местах в посланиях апостольских чтем, помыслили, будто мы и от властей послушания свободы есмь и от закона господне»³⁶. Прокопович решительно опровергает эту версию. «Свободил есть нас Христос крестом своим, – подчеркивает он, – от греха, смерти и Дявола, сие есть от вечного осуждения... А от послушания заповеди божиих и от покорения властем предрержащим должнаго не подал нам Христос свободы, но и паче оное утвердил»³⁷.

При решении вопроса о происхождении власти он исходит из европейских естественно-правовых теорий о договорном её характере: «первая власти начало и от человеческого сословия и согласия происходит». Но бог также не остается в стороне: «естественный закон, на сердце человеческом от бога написанный, требует себе сильного защитника». И поскольку совесть человеческая «такожде побуждает» формулируется вывод: «Вниди внутрь себе и помысли сие: власть державная естественному закону есть нужна»³⁸.

Почему власть державная импонирует Прокоповичу, а не иные формы государственного устройства. Он искренне полагает, что «коликим бедствиям отверста стоит демократия и ари-

³⁵ Там же. С.266

³⁶ Прокопович Ф. Сочинения. М. -Л., 1961. С.78.

³⁷ Там же. С.79.

³⁸ Там же. С.82.

стократия, подобие и монархия не наследуемая, но по избранию от дома до дому преходящая»³⁹. Здесь он затрагивает проблему нерешенную и современными авторами. Ибо Ф. Прокопович правильно уловил связь между развитием демократических институтов, процедур и традиций с процессами децентрализации, образованием устойчивых, хорошо сбалансированных, но компактных и относительно небольших европейских государств, вынужденных в целях внешней безопасности вступать в многочисленные союзы, отношения и взаимные обязательства с другими государствами. Приемлем ли был такой путь общественного развития для России – вопрос дискуссионный. Но пример Киевской Руси дает ответ скорее отрицательный.

Обязанность подданных заключается в беспрекословном подчинении подобной власти: «яко естество учит нас и о повиновении властем должно»⁴⁰.

Право подданных на прямые и активные формы протеста исключаются в принципе ради их же блага. «Не легко со престола сходят царие, когда не по воле сходят. Тотчас шум и трус в государстве: больших кровавое междоусобие, меньших добросовестных вопль, плачь, бедствие, а злонравных человек, аки зверей лютых, от уз разрешенных, вольное всюду нападение, грабительство, убийство... И яко же, подрывающее основание, трудно удержати в целости храмину, тако и zde бывает: опровергаемым властям верховным, колеблется к падению все общество»⁴¹.

Исходя из этих посылок Прокопович делает вывод: «Власть есть самое первейшее и высочайшее отечество, на них бо висит не одного некоего человека, не дому обного, но всего великаго народа житие, целость, беспечалие»⁴², а т.ж. являясь убежденным сторонником ничем не ограниченной самодержавной власти, он дает ей новое определение. Если ранее самодержавие понималось как власть независимая от иных государств и монархов, то при Прокоповиче оно стало трактоваться как власть ничем не ограниченная ни вне, ни внутри страны. Тем самым никакие институты законодательной и исполнительной власти не могли воспрепятствовать воле монарха. Причем власть российского самодержавца, несмотря на некоторые признаки сходства, все же имела мало общего с европейской формой абсолютной монархии. Последняя способствовала перераспределению власти и собственности по горизонтали и создавала социальные, экономические и культурно-технические предпосылки для перехода к более высокой ступени цивилизационного развития. Российская же самодержавная власть эволюционировала по вертикали на основе экстенсивного развития институтов крепостничества и входила в противоречие с действительными потребностями страны. Более того, российская самодержавная власть вступала в противоречие и с логикой собственного развития, поскольку отменила важнейшую форму легитимации – традицию, что в дальнейшем открыло целую эпоху дворцовых переворотов.

Прокопович, исходя из воли первого российского императора, теоретически обосновал его право, игнорируя династическую преемственность, назначать себе наследника. При определении необходимых качеств наследника он обращается к идее «блага отечества». Наследник, по его мнению, должен быть «добрым, бодрым, искусный и таковой, который бы доброе отечества состояние не токмо сохранил в целости, но паче бы утвердил»⁴³. И если Прокопович, зачастую, неоправданно сужал содержание понятия «отечество», сводя его к одному или нескольким элементам, то в данном контексте его позиция не вызывает возражений.

³⁹ Там же. С.41.

⁴⁰ Философия истории в России. С.43.

⁴¹ Прокопович Ф. Сочинения. М. -Л., 1961. С.92.

⁴² Философия истории в России: хрестоматия. М.: Логос, 1996. С.44.

⁴³ Коржихина Т.П., Сенина А.С. История российской государственности. М., 1995. С.81.

Достоинство державной власти Прокопович усматривает не только в ее прямой связи с обширной территорией, но и в прямой религиозной санкции. «Само бы имя сие «помазанный» ясно есть, сие есть: поставлен и оправдан от бога царствовать»⁴⁴.

Тем не менее, несмотря на принципиальную для российской общественности новизну высказываемых императором и его ближайшим окружением идей служения отечеству, это была типично узкопартийная и элитарная идеология, «идеология для себя, а не для всех». Ибо Петровское законодательство, ориентированное на российских подданных, продолжает повторять положения, которые, воспроизводят лишь несколько на иной лад положения «Домостроя». В этом смысле очень показательным является Артикул воинский от 26 апреля 1715 г, устанавливающий обязанности людей «воинского чина». Вот текст присяги полностью: «Я (ямирек) обещаюсь всемогущим богом служить всепресветлейшему нашему царю государю верно и послушно, что в сих постановлениях, також и впредь поставляемых воинских артикулах, что оные в себе содержат будут, все исполнять исправно, Его царского величества государства и земель его врагам и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах, и в прочих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всякими образы оных повреждать потщусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, такожда его государства, людей или интересу государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лутчей моей совести и сколько мне известно будет, извещать и ничем не утаить; но толь паче во всем пользу его и лутчее охранять и исполнять»⁴⁵.

Обращает на себя внимание не только отсутствие понятия «отечества», хотя, учитывая постоянное обращение к нему российского императора и его окружения, вполне логично было бы появление этого термина в важнейшем законодательном акте Российской Империи. Присяга приносится исключительно «царю-государю». Причем в политическом контексте фигура верховного правителя опять более значима, нежели государство, этническая общность, территория. Подобная трактовка вновь возвращает российского подданного в мир средневекового мышления. Нельзя также придавать значение положению присяги о «государственном интересе». Прерогатива его толкования в эту историческую эпоху всецело принадлежала российскому императору. Несмотря на большое количество проектов реформ подданных «снизу» в эпоху петровских преобразований, все же нельзя отсюда делать вывод об эмансипации общественного сознания. Все эти проекты либо описывали уже проводившиеся «сверху» реформы, либо их предугадывали и носили для власти комплиментарный характер, поэтому они и остались без рассмотрения и последствий. Что же касается видных российских просветителей, таких как Ю. Крижанич и И. Посошков, осмелившихся иметь самостоятельное мнение о благе отечества и путях его достижения, то судьбы их сложились достаточно трагично, и это несмотря на то, что они отнюдь не принадлежали к социальным низам. Ю. Крижанич был советником царя Алексея Михайловича, а И. Посошков принадлежал к купеческому сословию.

Вот почему автор не может согласиться с достаточно распространенной на сегодняшний день точкой зрения о том, что в петровский период истории «служению государю уже не есть служение отечеству»⁴⁶.

Существуют достаточно убедительные исторические свидетельства, указывающие на то, что идеология патриотизма получает распространение в более позднюю историческую эпоху. Так сподвижник Александра I Михайловский-Данилевский отмечал в своих воспоминаниях, что «до царствования этого государя в России не было общего мнения, прежде его (Александра

⁴⁴ Прокопович Ф. С.85.

⁴⁵ Законодательство периода становления абсолютизма. Т.4. М., 1986. С.328.

⁴⁶ Черная Л.А. От идеи «служению государю» к идее «служение отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVIII-нач. XIX вв. // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1989. Вып. I. С.42.

I – О.Н.) опасались у нас произносить слова – правительства и отечества, тем не менее рассуждать об оных»⁴⁷.

Идеология российского патриотизма помимо элитарного характера имела еще одну принципиальную особенность. Она носила светский характер. Правда, секуляризации общественного сознания началась гораздо раньше: уже при царе Алексее Михайловиче православная церковь стала полностью контролироваться самодержавной властью. Этому способствовали такие потрясения как религиозный раскол и утрата православием своей претензии на роль единственного мировоззренческого ориентира в сознании русского народа. Как справедливо отмечает И.Л. Андреев: «Прежние идеалы, связанные со структурообразующей ролью православной церкви, тускнеют, на их место приходят новые»⁴⁸.

Но нельзя обойти вниманием примечательную детальность – идеологическое обоснование секуляризации и четкого разделения функций государственной власти и церкви принадлежит первому теоретику российского патриотизма и видному иерарху – тому же Прокоповичу.

Аргументируя свою позицию, которая сводилась к полному подчинению православной церкви верховной светской власти, он задается вопросом: «Помыслит бы кто (и многие мыслят), что не вси весьма людие сим долженством обязаны суть, но неким выключаются, имянно же священство и монашество»⁴⁹. Подобный подход оценивается им весьма в резких тонах: «се терн, или паче рещи жало се змеино есть». Его беспокоит претензия православной церкви на вмешательство в государственное управление. Между тем, позиция церкви к проводимым реформам была достаточно хорошо известна. Все свои надежды и ожидания церковь связывала с фигурой царевича Алексея, убежденного сторонника ветхозаветной старины и противника европейской модернизации России.

Прокопович считает, что «священство бо иное дело, иный чин есть в народе, а не иное государство... А яко же иное дело воинству, иное гражданству, иное врачам, иное художникам различным, обаче всех с делами своими верховной власти подлежат; тако и пастырне, и училище, и просто вси духовники имеют собственное свое дело, еже бытии служители божими и строители тайны его, о баче и повелению властей державших покорены суть, да в деле звания своего пребывают»⁵⁰. Церковь, по его мнению, должна быть полностью подчинена государству по причинам, в том числе, и историческим. «Аще же посмотримна церковь ветхозаконную, – пишет Ф. Прокопович, – ...известно, бо, что там все священство и летивы царем истраильским аво всем подчинены были»⁵¹.

Наконец, он обращается к аргументам чисто логическим. Он приводит слова апостола Павла о том, что «всякая душа должна повиноваться властям придержащим», и резонно задается вопросом: «Если всяка душа, то разве можно изымать оттуда священство»⁵².

При всей важности идеологии все же она не являлась единственным фактором, определяющим суть российского патриотизма. Гораздо большую значимость имели радикальные преобразования общественных отношений в период петровских преобразований.

⁴⁷ В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Наука, 1994. С.36.

⁴⁸ Политическая история России. М.: Юрист, 1998. С.96.

⁴⁹ Прокопович Ф. С.88.

⁵⁰ Прокопович Ф.С.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С.89.

§ 4. Российский патриотизм в контексте петровской модернизации

Генетически российский патриотизм неразрывно связан с радикальными преобразованиями внутри страны и активной политикой на международной арене. Взаимосвязь между ними двоякого рода: российский патриотизм выступал предпосылкой и в то же время сам являлся своеобразным результатом реформ.

В российском обществе существовали две главные политические силы, оформленные в виде дворцовых партий с неофициальным членством, одна из которых была вполне удовлетворена существующим положением вещей, другая стремилась к решительным переменам. Эпоха реформ постоянно вносила коррективы в их персональный состав, но политическое размежевание между ними оставалось постоянным. Консервативные круги настаивали на сохранении архаичных институтов и структур, продолжении политики хозяйственной замкнутости и автаркии. Реформаторы были озабочены глубоким кризисом традиционализма, вызванным несоответствием общественно-политического и социально-экономического устройства России требованиям времени, в частности, развернувшимся в Западной Европе индустриальной и промышленной революциями. Следствием кризиса стало не только резкое отстаивание темпов экономического развития от европейских стран, но и военные неудачи конца XVII в, реально приблизившие Россию к возможности утраты государственного суверенитета. Как справедливо отмечал Н.А. Бердяев: «Россия не могла дальше существовать замкнутым царством, при отсталости военной, морской, экономической, при отсутствии просвещения и техники цивилизации»⁵³.

Патриотические силы страны не могли мириться с периферийным характером развития России, воспроизводящим бедность и отсталость страны как чисто земледельческой цивилизации, находящейся к тому же в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях. Чрезвычайно болезненно воспринималось патриотическим сознанием россиян и утрата огромной территории западнорусских земель вплоть до Смоленска и потеря выхода к Финскому заливу.

Объективные потребности развития производительных сил страны и изменения геополитического положения и статуса России ставили перед патриотическими силами чрезвычайно многоплановые и трудновыполнимые задачи по выведению страны из системного кризиса. Развернутой и детализированной программы реформирования России не существовало, и решения принимались зачастую интуитивно. Системность и последовательность приходят значительно позже – после Полтавской битвы. Тем не менее, основная задача была определена правильно и её решение повлекло за собой модернизацию всей страны.

Справедливости ради необходимо ответить, что заслуга в постановке этой задачи, а именно – выхода к морю и развитию морской торговли, принадлежит не Петру I, а его предшественникам, начиная с Ивана Грозного и заканчивая Алексеем Михайловичем. Но решить её в ходе многочисленных войн и дипломатических маневров они не смогли.

Определяющее значение морской торговли для развития экономики страны обуславливалось тем, что в условиях России сухопутная торговля носила сезонный и мелкооптовый характер и не давала серьезной прибыли. Крупнооптовая торговля, приносящая громадные прибыли и ощутимые поступления в казну, могла осуществляться лишь морскими перевозками. Именно по этой причине наиболее богатыми и развитыми в экономическом и финансовом отношениях странами являлись Англия, Голландия, Бельгия, Франция – страны, рас-

⁵³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С.11.

полагающие выходом к морю, портами и торговым флотом, т.е. все тем, что позволяло вести регулярную морскую торговлю.

Вот почему благо и процветание отечества Петр I с самого начала своей государственной деятельности связывал с выходом к морю, созданием торгового и военного флота, превращением России в морскую державу. «Умножение флота, – считал Петр I, – имеет единственной целью обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россией, потому что они сначала ей принадлежали; во-вторых, потому что пристани необходимы для государства, ибо чрез сих артерий может здоровое и прибыльное сердце государственное быть»⁵⁴. По содержанию сформулированной проблемы речь идет не о частной реформе, а о попытке изменить цивилизационную принадлежность России и перейти от земледельческого к торгово-индустриальному типу развития.

Но решить эту глобальную задачу можно было только опираясь на экономическую и военную мощь, которыми Россия в это время не располагала. Поэтому Петр I обращается к опыту передовых европейских стран и стремится усвоить их технические достижения. В этих целях русский царь впервые за всю историю Российского государства покидает пределы своей страны. В дальнейшем эти заграничные поездки становятся регулярными, и Прокопович в афористической форме заметил, что Петр Великий «охотно избегал от отечества ради отечества»⁵⁵.

К созданию морского флота Петр I приступает после первой неудачи азовского похода, лишний раз доказавшего, что без военного флота Россия не может закрепиться на море. Строительство флота впервые в практике мирового кораблестроения начинается на суше. На доводы оппонентов о невозможности создать флот без прямого выхода к морю и создания гаваней для судов, Петр I, как имперский патриот, отвечает: «Сильный флот сам найдет гавань»⁵⁶.

Несмотря на объективные трудности, российский военно-морской флот был в кратчайшие исторические сроки создан, укомплектован иностранными и отечественными офицерами, прошедшими обучение на родине и за границей, и одержал первые победы под Выборгом (1710 г.) и Гангутом (1714 г.). В иерархии несомненных политических, экономических и военно-технических достижений в этот исторический период флоту принадлежит, несомненно, главное место. Известно, что военно-морское сражение под Гангутом, в результате которого Россия стала полностью контролировать территорию Финляндии, Петр I по своему значению приравнивал к Полтавской битве. Но были и другие причины огромной роли флота в проводимых реформах.

Кораблестроение вообще и для России, в частности, являлось для того времени наиболее наукоемким и высокотехнологичным производством, базирующимся на лесной, металлургической и легкой промышленности и предполагающим высокий уровень межотраслевых связей, инженерной, навигационной подготовки, образования и просвещения. Масштабы, сложность и разнообразие работ, выполняемых российскими кораблями, поражали воображение не только соотечественников, но и иностранцев⁵⁷. Флот стал зримым символом новой России как военно-

⁵⁴ Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1991. С.156.

⁵⁵ Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII вв. Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С.290.

⁵⁶ Князьков С. Из прошлого русской земли. С.141-142.

⁵⁷ Вот что записал в своем дневнике польский посол, посетивший в 1720 году Адмиралтейство: «Мы по-шли в Адмиралтейство, где нас ожидал царь. Пройдя мост на канале и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли. Мы осмотрели кузнецу, выстроенную в углу. Там было 15 горнов и при каждом работало 15 кузнецов с мастером. Пять человек делали бруссы для кораблей; кроме обыкновенных кузнечных мехов, были там и такие, в которые дуют медными и железными трубами. Оттуда мы прошли через другой канал к большому трехэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по разным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности: были там канаты навощенные, намоленные, намазанные разным жиром, некоторые были толщиной в половину человека, и всего этого в 15 избах было так много, что не собрать на 500 возов; гвозди для прибивки досок лежали по углам большими кучами, а также якоря и багры; далее топоры, лопаты, молоты, буравы, долота большие и малые,

морской и индустриальной державы. Это имело огромное значение для патриотического сознания россиян. Появился новый объект патриотической гордости, связанный уже не с размерами территории и героическими страницами далекой истории, а с творческой деятельностью современников, требующей образования и высокого профессионализма. Не случайно флот был любимым детищем Петра I, а Прокопович посвящал флоту свои панегирики.

Выход к Балтийскому морю и попытка закрепиться на его побережье заранее предреждали войну с наиболее могущественной в то время военной европейской державой – Швецией, активно препятствующей российской экспансии в этот регион. Между тем, из своего первого зарубежного визита в шведскую Лифляндию, польскую Курляндию, Пруссию, Голландию и Англию Петр I вынес убеждение о необходимости продвижения именно к Балтике, поскольку только здесь проходили основные торговые коммуникации, связывающие наиболее богатые и индустриально развитые европейские страны, проявляющие интерес к продукции российского экспорта. Попытка решить эту проблему дипломатическим путем была изначально обречена на неудачу, ибо дипломатия чаще всего фиксирует то, что уже достигнуто военной силой. Поэтому со строительством флота осуществлялась одновременно и реформа армии.

Армия – это совершенно особый институт государства. Создание регулярной армии в любой стране неизменно обосновывается необходимостью защиты отечества от внезапного нападения противника. Выполнение военнослужащими своего профессионального долга чаще всего отождествляется с патриотизмом в целом. Для всего этого имеются серьезные основания, если, конечно, армия не направляется против собственного народа и не участвует в войне, вызывающей широкий протест общественности. Патриотизм на уровне общественного мнения исключительно чутко реагирует на успех или неудачу национальных вооруженных сил. Их успешные действия способствуют интеграции общества и прекращению или смягчению внутренних социальных конфликтов. Более того, одержанные победы психологически компенсируют длительные неудачи власти на экономическом поприще. Отсюда вечное стремление обанкротившейся политической элиты к небольшим по масштабам, но обязательно победоносным войнам. И напротив – поражение, пусть и в явно несправедливой войне, при самой успешной экономической политике, может спровоцировать глубокий кризис легитимности власти.

Значение успехов вооруженных сил для общего подъема патриотического сознания специально выделял С.М. Соловьев. Обращаясь к эпохе петровских преобразований, он задавался вопросом о том, что же давало духовную поддержку народу, задавленному тяжелым трудом: «Успехи мирного труда? Но они разбросаны, не видны, далеко не у всех перед глазами, не производят сильного впечатления. . . Не то война, военные успехи: одержана победа – общенародное торжество, все это знают, все поднимают головы, не войско только победило, целый народ победил, вот для чего мы дошли в такое короткое время, благодаря тому, что трудимся,

несколько тысяч фонарей, из которых некоторые были так громадны, что в них спокойно можно сидеть; кожи для тушения вброшенных бомб, юфть, беленые и небеленые полотна, холст, приготовленный для парусов. Жир был собран в больших чанах, бочках и фудерах. Также было полно всего и в других кладовых, в которых сложены ружья, карабины, петарды, пистолеты, штыки, кортики, шпаги, портупей, летние и зимние рукавицы, большая масса башмаков, сапог, туфель, бесчисленное множество полотняных и шерстяных шаровар для матросов. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из Ост-Индии. . . В нескольких сундуках сложены были и развешаны по стенам корзины, всюду железо, железные кольца, разные ядра в громадных чанах; чаны эти в виде длинных скамеек из листовой латуни, раздвоенные по бокам, с приделанными трубами, в которые опускается ядро, и уже само идет на корабль. Все ядра взвешены, и на них весьма актуально отмечен вес, в чем нас убедили произведенные опыты. . . Посидев немного, мы отправились в классы, где было много молодежи. Столы покрыты зеленым сукном; на стенах развешаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель объяснял военное искусство: как стрелять на кораблях, как управлять парусом, когда вода в волнении и другие этого же рода искусства. В одной комнате находится библиотека, в которой содержатся книги, относящиеся к искусству мореплавания. Здесь были большие запасы разного рода бумаги – белой, серой, черной, также бумага для чертежей. Несколько комнат были заняты корабельными постелями; готового платья разного цвета было на 24.000 человек, а также платье для 4.000 матросов. . . Не всякий этому поверит, но мы видели это своими глазами». – Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. С.146-148

учимся»⁵⁸. Уместно заметить, что появление термина «патриот» также было напрямую связано с триумфальным завершением Северной войны.

Реформа в вооруженных силах российского государства назрела давно. События «Смутного времени» показали слабую подготовленность русского войска, которому противостояли уже не степные хищники, а западные профессиональные армии, хорошо по тому времени вооруженные, экипированные, организованные и имеющие крепкую воинскую дисциплину. Регулярные поражения русского войска, особенно унижительные для национального и патриотического самосознания тем, что в подавляющем большинстве вооруженных столкновений с неприятелем русские обладали значительным численным перевесом, заставили царя Алексея Михайловича и его преемника – Федора Алексеевича, привлекать на службу иностранных офицеров. С их помощью были созданы полки «нового строя»: конные или рейтарские, пешие, солдатские и смешанные конно-пешего строя, драгунские. Однако кардинально поднять боеспособность русского войска не удалось, поскольку у государства не хватило материальных и технических ресурсов для превращения дворянского поместного ополчения в регулярную армию. И это была не единственная проблема.

Другая проблема, не менее важная, заключалась в особенностях внутренней структуры русского служилого сословия, которая характеризовалась отсутствием восходящей социальной мобильности. Проявлялось это в следующем.

В целом служилое сословие делилось на две неравные части. Первую часть образовывали «служилые по отечеству», т.е. люди из чинов боярских, московских и городских. Два первых разряда образовывала наиболее влиятельная и аристократическая часть феодалов. В зависимости от принадлежности к тому или иному чину определялось денежное и земельное жалование. Но существовала и другая, более многочисленная часть служилого сословия – «служилые по прибору», в которую входили представители городского населения, черносошного крестьянства и разорившиеся из «служилых по отечеству». Общими признаками для всех служилых людей было то, что все они были лично свободными, освобождены от многих видов налогов и должны были выполнять военную и административную службу в пользу государства. Различались же они тем, что «служилые по отечеству» представляли в основном командный состав, а «служилые по прибору» – рядовой состав солдатских и драгунских полков. Каждой части служилого сословия соответствовал предписанный статус или то, что называли «породой». В зависимости от знатности фамилии строилась военная карьера служилых людей, т.е. факторы профессиональной подготовленности и личных заслуг в расчет не принимались при выдвижении на командные должности различного уровня. Тем самым существовало противоречие между служением государству и отечеству и собственной профессиональной карьерой, которые никак не были взаимосвязаны между собой. Отсутствие здоровых стимулов в воинской службе пагубно сказывалось на боеспособности вооруженных сил – гаранте независимости государства. Вот почему реформа отличалась радикальностью, решительной ломкой старых традиций.

Прежде всего было покончено с предписанным статусом. «Служение отечеству» стало терять свой абстрактный и декларированный характер и начало наполняться личностным смыслом и интересом. Солдат, отличившийся на поле брани, офицер из «худородных дворян», умело командующий вверенным ему подразделением, выполняя свой воинский и патриотический долг, обретали возможность и перспективу производства в офицеры, повышения в чине и сословном статусе – пожалование в личное и потомственное дворянство, улучшение своего материального положения. Введение «Табеля о рангах» в сочетании с европейским опытом и организацией, привнесенными иностранными военными специалистами, за короткий срок преобразило русскую армию, которая из плохо дисциплинированного и нестойкого в бою вой-

⁵⁸ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С.501.

ска превратилась в грозную силу, с которой стали считаться самые мощные европейские державы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.